

A romantic couple is featured in a full-page photograph. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a vibrant orange, off-the-shoulder, long-sleeved dress with ruffled details. She is looking over her shoulder towards the camera. The man, on the right, has dark, wavy hair and is wearing a dark green, textured jacket over a dark shirt. He is looking directly at the camera with a serious expression. His left hand is in his pocket, showing a watch, while his right arm is around the woman's waist. The background is a beach at night, with waves crashing on the shore and several warm, glowing lights in the distance. The overall mood is romantic and dramatic.

Патрушев Сергей

Сила в правде

Сергей Патрушев

Сила в правде

«Автор»

2026

Патрушев С.

Сила в правде / С. Патрушев — «Автор», 2026

Игорь — человек-скальпель, чья абсолютная правда выжигает ложь, оставляя после себя лишь руины или новую жизнь. Встретив воровку Анастасию, он понимает, что истина может быть не только оружием, но и лекарством.

Вместе они бросают вызов прогнившему Нордхейму, «перевоспитывая» лжецов и меняя судьбы. Но когда правитель предлагает Игорю корону Судьи, ему предстоит сделать выбор: стать палачом системы или остаться свободным человеком, для которого любовь важнее власти.

Содержание

Глава 1. Город, где лгут все	5
Глава 2. Проклятие прямоты	12
Глава 3. Трактир «Пьяный Вепрь»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Патрушев

Сила в правде

Глава 1. Город, где лгут все

Ардон пах гнилью. Не той благородной, лесной гнилью, что знаменует круговорот жизни и смерть старого дерева, уступающего место молодым побегам. Город смердел застоявшейся, липкой, человеческой гнилью. Смесью нечистот, выплеснутых из окон прямо на брусчатку, сладковатым тлением неубранных дохлых собак в сточных канавах, кислым духом немывтых тел, спящих вповалку в подворотнях, и приторным ароматом дешевых благовоний, которыми торговли пытались перебить вонь собственного пота.

Солнце, бледное и равнодушное, как глаз слепца, с трудом пробивалось сквозь вечную пелену угольного дыма. В Ардоне топили всем, что попадалось под руку: старыми телегами, мебелью из разграбленных усадеб, а в бедных кварталах — кизяком и собственными надеждами. Дым оседал на стенах высоких, уродливо теснящихся домов, окрашивая камень в цвет мокрого пепла. Дома жались друг к другу так плотно, что соседи могли пожать руки, высунувшись из окон, и плевали друг другу на подоконники. Узкие улочки, по которым едва могла проехать одна телега, никогда не видели прямого света. Они жили в вечных сумерках, где единственным законом была тень.

В этом городе ложь была не просто пороком или грехом. Она была фундаментом, раствором, скрепляющим эти гнилые камни, и единственным воздухом, которым дышали его обитатели. Здесь лгали из вежливости, лгали из страха, лгали ради медной монеты и лгали просто по привычке, потому что правда стоила слишком дорого. Жена лгала мужу о верности, чтобы он не раскроил ей череп тесаком. Муж лгал сборщикам налогов, пряча мешок зерна в подвале. Священник лгал пастве о грядущем прощении, чтобы те опустошили свои тощие кошельки в церковную кружку. Ложь во спасение здесь считалась не компромиссом, а высшей добродетелью. Сказать умирающему, что его рана смертельна, было верхом жестокости. Сказать ему, что лекарь уже в пути, и положить ладонь на остывающий лоб — вот что считалось милосердием.

Но самую изощренную, самую густую и смертоносную ложь Ардон порождал на своем центральном рынке — площади Каменных Масок. Называлась она так из-за барельефов на ратуше: десятки каменных лиц застыли в гримасах праведного гнева, святой невинности и мудрого спокойствия. Никто уже не помнил, кого именно изобразил давно забытый скульптор, но горожане шутили, что это лица их собственных отцов, когда те торговались за курицу.

Игорь ненавидел этот запах. Не вонь нечистот — к ней он привык за годы странствий по самым грязным дырам обитаемого мира. Он ненавидел запах лжи. Для него он пах озоном перед грозой и сладковатым ядом белладонны. Он ощущал его кожей, напрягавшейся на плечах, чувствовал горечью на языке.

Он не был похож на героя баллад, которые пьяные менестрели горланят в тавернах за кружку прогорклого эля. На нем не было сияющих доспехов — только потертая, но добротная кожаная куртка с вшитыми стальными пластинами, не стесняющая движений, и плотный шерстяной плащ цвета дорожной пыли. Его сапоги из дубленой кожи были стоптаны, но тщательно смазаны жиром — он знал, что мокрые ноги в походе убивают вернее вражеской стрелы. Ростом он был чуть выше среднего, широк в плечах, но не от природы, а от долгой привычки носить на спине тяжелый груз — будь то мешок с провизией или чужой секрет.

Его лицо, обветренное всеми ветрами континента, от соленых брызг Северного моря до сухих песчаных бурь Южных пустошей, было лишено классической красоты. Слишком резкие скулы, нос, сломанный когда-то и сросшийся криво, сеть тонких морщин в уголках глаз — не от

смеха, а от привычки щуриться на солнце или вглядываться в прицел арбалета. Но главной его приметой были глаза. Необычайно светлые, почти прозрачные, цвета выцветшего речного льда. Когда Игорь смотрел на человека, тому казалось, что этот странный путник видит не только его лицо, но и все, что спрятано за ним: спрятанный за голенищем нож, долг в три серебряных, измену, которую он планирует совершить в полночь, и детский страх перед темнотой, который мужчина давно похоронил под маской жестокости.

Он не был рыцарем. Кодекс чести, требующий преклонять колени перед напыщенными болванами в коронах, вызывал у него лишь кислую усмешку. Он не был и классическим наемником, продающим клинок любому, кто заплатит. Его нанимали не для того, чтобы он убивал. Его нанимали, чтобы он говорил.

Игорь был странствующим философом с очень прикладным, почти хирургическим пониманием правды. Он называл себя «оценщиком». Он приходил в разоренные баронства, в торговые гильдии на грани банкротства, в семьи, где брат точил нож на брата, и просто слушал. А потом называл вещи своими именами. Он вскрывал гнойники лжи, и хотя первая реакция всегда была болью и гневом, именно это спасало пациента от гангрены. За это его презирали и за это же тайно боготворили. Старцы в библиотеках уважали его за острый ум, военачальники — за безошибочное чутье на предательство, а простые люди — за то, что в его присутствии они на мгновение чувствовали себя настоящими, сбросившими тяжелую ношу притворства.

Но это же делало его абсолютно, фатально одиноким. Нельзя спать с женщиной, которая боится, что утром ты оценишь ее искренность в постели и найдешь ее фальшивой. Нельзя пить с друзьями, которые вздрагивают каждый раз, когда ты открываешь рот, опасаясь услышать трезвый диагноз их бессмысленной жизни. У Игоря не было дома. Его домом была дорога, а семьей — холодный металл его короткого меча бастардского типа, который он носил не на поясе, а за спиной, рукоятью вверх, чтобы выхватывать его обратным хватом в тесноте переулков.

Этим утром он пришел на площадь Каменных Масок не за провизией. Ему нужны были новые тетивы для лука, и лучшая лавка кожевенника, мастера Гюнтера, находилась как раз за рыбными рядами. Но путь преградила толпа.

В центре круга, образованного зеваками, потел и задыхался торговец яблоками. Это был типичный сын Ардона — маленький, круглый, с сальными пятнами на некогда белой рубахе и пальцами, унизанными дешевыми медными перстнями. Перед ним на грязном прилавке высились горы румяных, глянцевого плодов. Яблоки казались идеальными. Крупные, налитые, с восковым блеском, они обещали хруст, сладость и сок.

Торговец, чье имя, вышитое на фартуке, гласило «Бенно Сладкоголосый», заламывал руки. Его голос, высокий и маслянистый, лился на двух дородных стражников и богатого купца в соболиной шапке. — Господин, клянусь честью покойной матушки! — Бенно прижал пухлую ладонь к груди, туда, где под рубахой наверняка висел амулет фальшивого бога торговли. — Сорт «Королевский румянец»! Везли из предместий самого Вельдора! Морозец ночью ударил, сахар в них набрался — медом потянете! По медяку за три штуки! Дешевле только на помойке гнилое найдете!

Купец, брезгливо морщась, взял одно яблоко. Повертел в толстых пальцах, понюхал. — Беру мешок, — бросил он. — Грузи на мою телегу.

Игорь, стоявший в тени арки, ведущей к переулку Ткачей, сделал шаг вперед. Он не собирався этого делать. Это не было его делом. У него были деньги на тетиву, и лишние проблемы с местными торговцами, которые платили страже за «крышу», ему были ни к чему. Но потом он сделал вдох.

Он вдохнул воздух над прилавком. И лед в его глазах стал твердым, как хрусталь.

Под сладким ароматом осеннего сада, под воском и дорогой тканью купца, он учуял его. Тонкий, едва уловимый, сладковато-винный запах брожения. Запах распада.

Он подошел к прилавку. Толпа, почувствовав перемену в воздухе, зашуршала и сомкнулась плотнее. Стражники, до этого лениво облокачивающиеся на алебарды, выпрямились.

— Почем яблоки, добрый человек? — голос Игоря был тихим, лишенным всяких эмоций. Он звучал в базарном гвалте так же неуместно, как звук погребального колокола на свадьбе.

Бенно Сладкоголосый смерил его взглядом. Одежда путника была добротной, но не кричащей. Меча на виду нет, золота на пальцах нет. Обычный проходимец. Торговец расплылся в улыбке, от которой его щеки стали похожи на два румяных блина. — Для вас, господин хороший, отдам по два за серебряный! Лучшие во всем Ардоне! Берите для дамы сердца, она пальчики оближет!

Игорь не улыбнулся в ответ. Он медленно протянул руку. Его пальцы, покрытые старыми мозолями от рукояти меча и поводьев, были на удивление изящными. Он взял яблоко из самой середины кучи, то, которое Бенно только что нахваливал купцу.

Поднеся его к лицу, Игорь закрыл глаза. Он не нюхал. Он слушал. Кожа была идеальной, натертой до блеска тряпкой, смоченной в бараньем жире. Но под ней, в самой мякоти, уже шла война. Дикие дрожжи, попавшие, вероятно, из-за утренней росы, уже начали свою работу. Еще пара дней, и эти глянцевые плоды превратятся в липкую, вонючую кашу, годную только для выгонки дрянной бормотухи.

— Они гнилые, — сказал Игорь.

Улыбка на лице Бенно застыла, а потом медленно сползла, как воск со свечи. — Что ты сказал, бродяга? — голос торговца стал на октаву ниже, в нем прорезалось рычание терьера, охраняющего кость.

— Ты натер их жиром, чтобы скрыть темные пятна, — так же ровно продолжил Игорь, взвешивая яблоко на ладони. — Ты сбрызнул их уксусом, чтобы убить мошку. Но ты не обманешь время. Они бродят изнутри. Если купец из Вельдора отвезет этот мешок своему сеньору, его вздернут на воротах за попытку отравления. Если он съест их сам, к вечеру будет кормить ночной горшок, пока из ушей не пойдет желчь.

Толпа, до этого предвкушавшая скандал, замерла. Воздух стал густым и тяжелым. Сказать такое торговцу в лицо на его территории было равносильно самоубийству.

— Ты лжешь! — взвизгнул Бенно. — Ты хочешь сбить цену! Ты подослан конкурентами с улицы Медников! Стража! Этот человек — клеветник и вор! Он хотел украсть яблоко!

Один из стражников, тот, что потолще, тяжело вздохнул. Ему не хотелось тащиться в холодную из-за какого-то яблока. — Плати за яблоко, путник, и проваливай, пока я добрый, — пробасил он, положив руку на эфес короткого меча. — А ты, Бенно, не ори, людей пугаешь.

Игорь посмотрел на стражника. Его светлые глаза лишились всякого выражения, став похожими на два осколка льда. — Я не вор, — произнес он. — Я просто назвал вещь ее именем.

Он сжал пальцы.

Раздался сухой, отчетливый хруст. Яблоко, казавшееся таким твердым и сочным, смялось в его кулаке, как мокрая бумага. Из-под пальцев брызнула не прозрачная сладость, а мутная, желтоватая жижа с черными точками гнили. По площади поплыл густой, тошнотворный запах дешевого сидра и тлена.

Бенно Сладкоголосый побелел. Цвет его лица сравнялся с цветом его жирной рубахи.

— Он... он сжал... — прошептал кто-то в толпе.

Игорь разжал кулак. На его ладони лежала бесформенная, смердящая масса. Он медленно перевернул руку над прилавком. Гнилая каша шлепнулась на бархатную скатерть торговца, забрызгав его кружевные манжеты.

— Вот их истинная цена, — сказал Игорь. — Цена лжи.

Он достал из поясного мешочка медную монетку. Не глядя на Бенно, он положил ее на край прилавка, прямо в лужу гнилого сока. — За беспокойство.

Толпа молчала. Это была самая оглушительная тишина, которую помнил Ардон. Сотни людей, привыкших жить в вечном шепоте недомолвок, смотрели на человека, который только что публично, жестоко и абсолютно точно вскрыл обман.

Первым нарушил тишину не стражник. Первым был тот самый купец в соболиной шапке. Он посмотрел на испорченный товар, потом на бесстрастное лицо Игоря, затем на пот, градом катящийся по лицу Бенно. Купец медленно, со скрипом суставов, опустился на одно колено. Не перед торговцем. Перед Игорем. — Господин оценщик, — прогудел он, и его бас, привыкший перекрывать шум портовых таверн, сейчас звучал смиренно. — Я направляюсь в замок герцога с обозом солонины. Говорят, там не любят сюрпризы. Не согласитесь ли вы взглянуть на мои бочки? Мои люди клянутся, что мясо первой свежести, но мой нос уже не тот, что в молодости. Я заплачу серебром.

Это было предложение работы. Прямое, наглое и невероятно выгодное. В Ардоне оценщики правды были редкостью, и их услуги стоили дороже золота.

Игорь посмотрел на купца. Затем на Бенно. Торговец яблоками трясся всем телом. Он ждал удара. Ждал, что странный путник сейчас вытащит кинжал и перережет ему горло за нанесенное оскорбление, как того требовали неписанные законы чести. Или что стражники сейчас повалят его на землю и переломают ноги за нарушение рыночной торговли.

Но удара не последовало.

Игорь перевел взгляд на стражников. Толстый стражник смотрел на него с плохо скрываемым ужасом. Второй, помоложе и поумнее, смотрел с жадным любопытством. Он только что понял, что перед ними не сумасшедший, а человек, чье слово только что сделало то, чего не могла сделать стража за десять лет — заставило Бенно Сладкоголосого заткнуться.

Игорь перевел взгляд на толпу. В глазах людей он видел не гнев. Он видел стыд. Стыд за свои гнилые товары, за свои фальшивые улыбки, за свои спрятанные в сапогах ножи. Он только что лишил их главного утешения — веры в то, что обман невидим. Он сделал правду материальной, липкой и воняющей на всю площадь.

Он наклонился, поднял свою медную монетку из лужи, вытер ее о край плаща и снова бросил на прилавок. На этот раз она звякнула громко и чисто. — Твое яблоко стоило дешевле, Бенно, — сказал он торговцу, глядя ему прямо в глаза. — Но твоя ложь обошлась тебе ровно в медяк. Можешь считать это налогом на совесть. В Ардоне она, я смотрю, непомерно дорога.

Игорь развернулся. Толпа расступилась перед ним, как Красное море перед пророком. Никто не смел его коснуться. Он прошел сквозь молчаливые ряды, мимо лотков с поддельным шелком, мимо прилавков с разбавленным вином, мимо женщин, прячущих синяки под слоем белил.

Он шел сквозь город, построенный на лжи, и оставлял за собой шлейф звенящей, невыносимой правды.

Он купил тетиву у мастера Гюнтера. Старик, дряхлый, с руками, похожими на кору старого дуба, долго щурился на него единственным глазом. — Слышал шум на площади, — проскрипел Гюнтер, натягивая новую жилу на лук для проверки. — Это ты заставил Бенно жрать собственные яблоки? — Я заставил его их понюхать, — ответил Игорь, расплачиваясь. — Дурак, — беззлобно констатировал кожевник. — В этом городе за правду убивают быстрее, чем за кражу. — Значит, я умру быстро, — пожал плечами Игорь. — Я устал жить медленно.

Он вышел из лавки. Солнце, наконец, пробило пелену дыма, ударив лучом прямо по лицу каменной маски на ратуше. Маска изображала праведный гнев. Игорь усмехнулся. Камень тоже лгал. Он не чувствовал ни гнева, ни боли. Он просто разрушался от времени и копоты, притворяясь вечным.

Игорь накинул капюшон и растворился в лабиринте улиц Ардона. Впереди его ждала телега с солониной, которая наверняка кишела трупными червями, замаскированными перцем. Впереди ждала работа.

Ардон продолжал гнить за его спиной, сладко улыбаясь сам себе в зеркалах из плохого стекла. Город, где ложь была воздухом, только что узнал, что такое удушье. И Игорю предстояло научить их дышать по-настоящему. Даже если для этого придется разорвать им грудь голыми руками.

К вечеру история о яблоках обросла рогами, копытами и золотым свечением.

В таверне «Свинья и Митра», пропахшей кислым пивом, паленой шерстью и безнадеей, за липким столом сидели четверо. Сам Игорь, купец по имени Ульф — тот самый, в соболиной шапке, которого Игорь мысленно уже переименовал в Ульфа Смердящие-подмышки, и двое подручных купца, Гром и Хныга. Гром был огромным, плосконосым детиной, чья голова, казалось, росла прямо из покатых плеч. Хныга, напротив, был маленьким, юрким, с бегающими глазками профессионального карманника.

— Я посажу тебя по правую руку от себя на пиру у герцога, — басил Ульф, пытаясь вложить в голос всю доступную ему барскую небрежность. Он уже считал Игоря своей собственностью. — Ты будешь есть с серебра. Герцог любит таких... острых. Он устал от льстецов. Его казначей ворует так нагло, что монеты светятся в темноте, а главный конюший спит с его дочерью, пока герцог молится в храме. Все знают. Все молчат.

— Я не ем с серебра, — Игорь отодвинул от себя кружку с элем. Пиво в Ардоне делали из желудей и отчаяния, и пить его было все равно что жевать мокрый картон. — Я ем, чтобы не упасть в голодный обморок. И я не «острый», Ульф. Я просто не пользуюсь тупыми инструментами. Твои бочки с солониной. Открой одну.

Ульф поперхнулся. — Господин оценщик, мы же договорились! Мы на полпути к замку. Если я открою бочку сейчас, запах выветрится не скоро. Герцог решит, что я привез падаль. — Ты и везешь падаль, — Игорь смотрел на него своим прозрачным, вымораживающим взглядом. — Только падаль эта человеческая. Ты купил мясо у мародеров с Западного тракта. Они неделю назад вырезали купеческий караван. Мясо убитых охранников, смешанное с кониной. Ты засыпал его солью, чтобы скрыть запах крови, и набил им бочки из-под прошлогоднего прогорклого масла.

Гром, до этого мирно чистивший ногти кинжалом размером с короткий меч, замер. Хныга перестал улыбаться.

— Откуда... — начал Ульф, и кадык на его толстой шее судорожно дернулся. — Оттуда же, откуда я знаю, что под твоей левой стелькой зашиты три фальшивых золотых, которые ты хочешь всучить герцогу в качестве взятки, — Игорь ткнул пальцем в пол. — А твой сын, которого ты оставил управлять лавкой в Ардоне, проиграл ее вчера в кости человеку по кличке Кривой Зуб. И теперь твой дом принадлежит ему. Ты едешь к герцогу не за контрактом. Ты едешь просить защиты, потому что Кривой Зуб пообещал отрезать твоему сыну уши, если ты не вернешься с деньгами.

Ульф сидел, открывая и закрывая рот, как вытасченная на берег рыба. Его лицо, только что багровое от эля и самодовольства, стало серым. — Ты... ты ведьмак? — прошептал он. — Колдун?

Игорь позволил себе редкую, кривую усмешку, от которой шрам на его носу побелел. — Я просто слушал, как скрипят колеса твоей телеги, Ульф. Хорошая, дорогая телега. Оси смазаны. Но когда на нее грузили твои «свежие» бочки, дерево стонало иначе. Оно помнит вес настоящего мяса. Человеческое мясо тяжелее свиного из-за плотности костей и остатков внутренностей, которые твои мародеры поленились вычистить. А бочки... дерево впитывает запахи. Твои бочки пахнут кислотой и смертью. Открой одну. Или мы поворачиваем оглобли обратно в Ардон, и я лично расскажу Кривому Зубу, где тебя искать. А заодно шепну страже у Северных ворот, что купец Ульф везет в герцогство неучтенный товар и фальшивое золото.

Гром медленно, со скрипом кожи, положил руку на рукоять своего тесака. — Ты угрожаешь хозяину, бродяга, — прорычал он. Голос у него был такой, будто камни трутся друг о друга.

Игорь даже не повернул головы. — Если ты достанешь железо, Гром, твой хозяин не успеет заплатить мне ни медяка. Потому что завтра утром он будет хоронить тебя. А послезавтра — себя. Твоя смерть не принесет ему контракта с герцогом. Сядь.

И гигант сел. Сила, исходившая от этого худощавого путника, была не физической. Это была тяжесть гранитной скалы, которой абсолютно плевать на порывы ветра.

— Открывай, — повторил Игорь.

Ульф, двигаясь как во сне, с трудом сполз с лавки. Его ноги подкашивались. Он подошел к телеге, стоявшей во дворе таверны, и срывающимися пальцами вытащил деревянный клин, удерживающий крышку бочки.

Вонь ударила раньше, чем они увидели содержимое. Сладковатая, тошнотворная вонь разложения, которую не смог забить даже едкий дух старой соли и прогорклого масла.

Ульф отшатнулся, зажимая рот. Хныга тонко, по-заячьи, взвизгнул и бросился за угол таверны, где его немедленно вывернуло. Гром стоял бледный, сжимая и разжимая огромные кулаки.

Игорь подошел к бочке. Он не поморщился. Он наклонился, втянул воздух и выпрямился. — Четверо мужчин. Двое в кольчугах, один в кожаном доспехе. Женщина. Старая. Мясо жесткое, жилы не перерезаны. Вы везете в замок герцога Эрика доказательство того, что на его землях безнаказанно режут людей. Если вы просто откроете эту бочку на кухне, вас вздернут как соучастников.

— Что... что ты предлагаешь? — прохрипел Ульф, падая обратно на лавку. Его соболиная шапка сбилась набок, и теперь он выглядел не богатым купцом, а тем, кем и был — перепуганным стареющим мужиком, заигравшимся в большую политику.

— Я предлагаю спасти твою шкуру, — Игорь налил себе в кружку воды из кувшина. Вода была мутной, но хотя бы не пахла. — Мы едем в замок. Ты говоришь герцогу правду. Что тебя обманули мародеры, продав товар с душком. Ты каешься. Ты плачешь. Твое поддельное золото мы бросим в нужник по дороге, оно тебе больше не понадобится. А я подтверждаю каждое твое слово. Я расскажу Эрику, что знаю запах крови из-под соли. И что знаю запах страха из-под твоей наглости. Герцог — прагматик. Ему не нужны мертвые купцы. Ему нужны верные псы, которые умеют отличать свежее мясо от тухлого. Станешь его псом, Ульф. Будешь возить ему настоящую говядину и доносить на конкурентов. Выживешь.

Ульф слушал его, и по его толстым щекам, оставляя бороздки в слое дорожной пыли, катились слезы. Он плакал не от раскаяния. Он плакал от облегчения. Станный путник только что снял с его плеч не только груз смердящих бочек, но и груз смертного приговора, который Ульф вез вместе с ними.

— Я... я сделаю все, что скажешь, — лепетал купец. — Господин... как тебя величать?

— Игорь, — ответил он. — И не называй меня господином. От этого у меня чешутся руки проверить остроту твоего языка.

Ночь они провели в чистом поле, подальше от дорог. Игорь отказался спать в телеге. Он лег на голую землю, положив под голову седло. Холодный осенний воздух был чист. Здесь, вдали от каменных стен Ардона, он наконец-то мог дышать. Он смотрел на звезды — холодные, далекие, равнодушные точки света. Они тоже не лгали. Они просто были.

К нему подошел Хныга. Он присел на корточки, кутаясь в тонкий плащ. — Зачем тебе это? — спросил он тихо, чтобы не разбудить храпящего Грома. — Правда. Зачем ты ее носишь, как палку в муравейнике? Ты же мог просто взять с Ульфа золото за молчание. Мы бы дали. У нас еще осталось.

Игорь долго молчал, глядя на Млечный Путь. — Потому что муравьи, которые строят свой дом на лжи, однажды просыпаются в пепле, — сказал он, не отрывая взгляда от неба.

— Ложь — это гниль, Хныга. Она начинается с одного яблока. Потом гниет зерно в амбарах. Потом гниет слово наместника. Потом гниет сталь в ножнах стражи. И когда приходит настоящий враг — с севера, с юга, с чумой или с голодом — королевство рассыпается в труху, потому что его фундамент был из гнилого дерева. Я не спасаю людей, мальчик. Я просто забиваю гнилые сваи, чтобы мост не рухнул, пока я по нему иду. Мне нужно на ту сторону.

— А что там, на той стороне? — прошептал Хныга.

— Там, — Игорь наконец повернул голову. Его светлые глаза поймали отражение звезд. — Там, говорят, есть города, где люди смотрят друг другу в лицо без страха. Я хочу проверить, правда ли это. Или это самая большая ложь из всех.

Утром они двинулись дальше. Телега, освобожденная от мертвой плоти, катилась легче. Ульф ехал верхом на своей лошади, ссутулившись, но впервые за долгие годы, кажется, не играя роль. Он просто ехал.

Игорь шел рядом с телегой, положив руку на край борта. Дерево под его ладонью было честным. Оно пахло смолой, пылью и новой, настоящей жизнью.

Ардон остался далеко позади, но Игорь знал, что несет его частицу с собой. Запах гнилых яблок въедается в кожу. Но теперь, по крайней мере, он знал, как пахнет чистое небо. И ради этого запаха стоило идти вперед, даже если весь остальной мир предпочитает дышать тленом.

Глава 2. Проклятие прямоты

Запах чистого неба, которым Игорь дышал на рассвете, к полудню окончательно выветрился. Его сменил тяжелый дух конского пота, прелой соломы и немытого человеческого тела, запертого в тесной клетке герцогского замка.

Герцог Эрик оказался именно таким, каким его описывали: человеком, чье лицо состояло из одних углов. Острый нос, резкие скулы, тяжелый, выдающийся вперед подбородок. Его глаза были цвета застоявшейся болотной воды — тусклые, внимательные и опасные. Он не носил ни золотых цепей, ни бархатных мантий, предпочитая простую, но прочную сталь вороненой кольчуги, надетой поверх черной туники. В его тронном зале пахло оружейным маслом и озоном — герцог только что упражнялся с двуручным мечом, и его кожа все еще хранила жар недавнего боя.

Ульф, купец, стоял перед ним на коленях. Его соболиная шапка валялась на полу, а сам он трясся, как осиновый лист. Игорь сидел на деревянной скамье у стены, рядом с двумя алембардщиками. Стражники смотрели на него с неприкрытым подозрением: чужак в святой святыне, да еще и безоружный, вызывал у профессиональных убийц когнитивный диссонанс.

— Ты привез мне падаль, Ульф, — голос Эрика был лишен эмоций. Он звучал так же ровно, как точильный камень, проходящий по лезвию. — Ты привез мне доказательство того, что на моих дорогах режут людей, а мои таможенники берут взятки за провоз мертвечины. — Ваша светлость! — взвыл Ульф, пытаясь поцеловать грязный сапог герцога. — Меня обманули! Клянусь жизнью детей! Я не знал! Этот человек, — он ткнул дрожащим пальцем в Игоря, — он открыл мне глаза! Он спас мою честь!

Герцог перевел свой болотный взгляд на Игоря. — Это тот самый «оценщик» из Ардона? Ящикодавитель? — Игорь, — поправил путник, вставая. Кланяться он не стал. — Я не давлую ящички. Я оцениваю риски. — Риск, — Эрик медленно поднялся с трона. Он был высок, и тени в зале словно потянулись за ним. — Риск в том, что я сейчас прикажу подвесить тебя, Ульф, за ребро на крюк, и твоя ложь о «честном купце» вытечет из тебя вместе с требухой. А тебя, оценщик, я прикажу бросить в темницу, пока не узнаю, зачем ты лезешь в мои дела.

— Ульф выживет, если станет полезным, — спокойно ответил Игорь, глядя герцогу прямо в глаза. — Мародеры с Западного тракта — это не просто бандиты. Это дезертиры из армии вашего соседа, барона Валентайна. Они не просто грабят. Они собирают информацию. В бочках с мясом они прячут донесения. Вы везли в свой замок не только трупы, Ульф, вы везли карту ваших собственных патрулей.

Ульф побелел и осел на пол. — Откуда... — прохрипел он. — Дерево бочек. На нем остались царапины от стилуса. А запах... запах чернил и дешевого пергамента трудно перебить даже тухлой кониной.

Герцог Эрик долго молчал. Он подошел к Игорю, нависая над ним. От герцога пахло железом и холодной яростью. — Ты слишком много знаешь для простого бродяги. — Я просто смотрю, — пожал плечами Игорь. — И не отворачиваюсь, когда вижу то, что мне не нравится.

Герцог усмехнулся. Это была страшная, беззубая усмешка. — Смелый. Или глупый. В моем герцогстве это одно и то же. Хорошо. Ульф станет моим псом. Он будет возить для Валентайна донесения, которые я буду сам ему подсовывать. А ты... ты останешься при мне. Мне надоел мой казначей. Он утверждает, что казна пуста, но купил жене сапфировое кольцо. Проверь его.

— Я не ищейка, — отрезал Игорь. — И не шпион. Я не буду рыться в чужом грязном белье ради удовольствия. — А ради золота? — прищурился Эрик. — Ради возможности уйти из этого замка живым, — уточнил Игорь. — И ради того, чтобы ты не отправил на висе-

лицу кого-нибудь невинного просто потому, что тебе нужно на ком-то сорвать злость. Я найду правду. Но если казначей чист, я скажу, что он чист.

— Договорились, — кивнул герцог. — До заката. Если к закату я не получу доказательств, я прикажу бросить тебя в ров. Алхимики говорят, там завелись пиявки размером с собаку.

Когда Игоря увели в выделенные ему покои — тесную каменную келью с узким окном-бойницей, — он впервые за долгое время позволил себе выдохнуть. Правда снова сработала. Она была его единственным оружием и единственным проклятием.

Чтобы понять, почему правда стала для него проклятием, Игорю не нужно было заглядывать в пыльные фолианты. Ему достаточно было закрыть глаза и вспомнить запах розового масла и горьких девичьих слез.

Это случилось три года назад, в портовом городе Марен, который называли «Жемчужиной Юга». Жемчужиной он был только для тех, кто смотрел на него с палубы корабля. Внутри это был такой же гнойник, как Ардон, только богаче и залитый солнцем.

Игорь тогда только что спустил заработанные на охране каравана деньги. Он был сыт, относительно трезв и, что самое страшное для мужчины его возраста, расслаблен. Он сидел на мраморной скамье в саду купца первой гильдии Адриана, наслаждаясь тенью кипарисов. Адриан был старым лисом, с которым Игорь сошелся на почве взаимного уважения к логистике. Купец знал, как довезти шелк через пустыню, а Игорь знал, как довезти голову купца через земли разбойников.

У Адриана была дочь. Элирия.

Она вышла в сад, ступая по гравийной дорожке, как цапля по болоту — слишком высоко поднимая колени. На ней было платье из лионского шелка цвета морской волны. Дорогое, невероятно тяжелое из-за золотого шитья, с корсетом, который, казалось, вот-вот переломит девушку пополам.

Элирия была влюблена. Влюблена в Игоря. Или, что точнее, влюблена в образ странствующего героя, который она сама же и нарисовала в своем воображении, пока читала рыцарские романы в своей душевной комнате.

— Господин Игорь, — она остановилась в трех шагах, сложив руки на талии. — Вы читали мои стихи?

Игорь открыл глаза. Он действительно брал у нее накануне свиток пергамента. Девушка писала сонеты. — Читал, — ответил он.

Ее лицо просияло. Она сделала еще шаг, ее щеки покрылись нежным румянцем. — И? Что вы скажете? О, я знаю, вы много видели, вы сражались с чудовищами... Вы должны понимать истинную красоту слова!

Игорь посмотрел на ее платье. Шелк цвета морской волны. На бледной, склонной к полноте коже Элирии этот цвет выглядел как синяк. Золотое шитье на груди и бедрах визуально делало ее фигуру еще массивнее, превращая девушку в подобие позолоченного шкафа. Корсет был затянут так туго, что ее дыхание было поверхностным и сиплым.

— Платье уродует тебя, — сказал Игорь.

Улыбка на лице Элирии не просто исчезла. Она осыпалась, как сухой песок. — Что? — прошептала она. — Цвет убивает твой оттенок кожи, — продолжил Игорь тем же ровным, аналитическим тоном, каким вчера объяснял капитану корабля, почему мачта треснет при первом же шторме. — Золото на бедрах ловит свет и делает их вдвое шире, чем они есть. А корсет... Элирия, ты задыхаешься. Посмотри на свои руки. Они посинели. Если ты сейчас же его не расшнуруешь, ты упадешь в обморок прямо здесь, и гравий испачкает этот дорогой шелк.

Девушка опустила взгляд на свои руки. Пальцы действительно были бледно-лиловыми. Она судорожно дернула шнуровку на боку, жадно хватая ртом воздух. — Но... это последний

писк моды из столицы... — пролепетала она, и в ее голосе послышалась паника. — Мой отец привез его... — Мода — это коллективная ложь, — отрезал Игорь. — Дизайнеры в столице ненавидят женщин, поэтому шьют одежду, в которой невозможно жить. Если хочешь выглядеть красиво, надень лен. Простой, некрашенный лен. Он дышит. И он не пытается превратить тебя в то, чем ты не являешься.

Элирия смотрела на него широко раскрытыми, полными слез глазами. Игорь понял, что сказал что-то не то, но не мог понять, что именно. Он же констатировал факт. Факт — вещь нейтральная. Камень, лежащий на дороге, — это просто камень.

— А стихи? — едва слышно спросила она. — Что со стихами?

Игорь вздохнул. Разговор становился утомительным, но вежливость требовала закончить начатое. Нельзя же оставить человека в неведении о его ошибках. — Стихи плохие, Элирия. — П-почему? — ее губы задрожали. — Потому что они не твои, — Игорь откинулся на спинку скамьи. — Ты используешь рифмы «кровь-любовь» и «розы-морозы». Это кладбище поэтов. Ты пишешь о «прекрасных очах» и «гибком стане». Но у тебя, Элирия, нет гибкого стана. У тебя крепкое, здоровое тело дочери купца, которая, я знаю наверняка, может сама вести grossбух и умеет торговаться за мешок перца так, что лавочники плачут. Почему ты пишешь о хрупких феях? Ты же не фея. Ты — человек. Настоящий. Пиши о том, как пахнет перец. Пиши о том, как устает спина от счетов. Это будет правда. А правда всегда интереснее вымысла.

Он говорил это с самыми лучшими намерениями. Он хотел освободить ее. Он хотел снять с нее это дурацкое платье, эти мертвые рифмы и эту маску светской дамы, чтобы увидеть под ней настоящую Элирию — умную, хваткую, живую. Он предлагал ей свободу быть собой.

Но для нее это звучало как приговор.

— Ты... ты жестокий, — прошептала она. Слеза скатилась по ее щеке, прочертив дорожку сквозь пудру. — Ты... чудовище.

Она развернулась и побежала. Она не плакала навзрыд, как плакала бы простолюдинка. Она бежала с прямой спиной, высоко подняв подбородок, как учили ее гувернантки, но ее плечи тряслись. Звук ее быстрых шагов по гравии был похож на щелканье хлыста.

Игорь остался сидеть.

Он сидел на мраморной скамье в тени кипарисов, слушал, как в фонтане журчит вода, и чувствовал абсолютную, звенящую пустоту внутри.

Он не хотел ее обидеть. В его системе координат обидеть человека правдой было невозможно. Это все равно что обидеть человека на то, что дважды два — четыре. Если ты считаешь, что дважды два — пять, и плачешь, когда тебе указывают на ошибку, разве виноват тот, кто принес счеты?

К нему подошел старый Адриан. Купец не слышал слов, но видел результат. Он сел рядом, тяжело кряхтя. — Ты только что уничтожил мою дочь, — сказал он без злобы, с какой-то смертельной усталостью. — Я дал ей совет, — возразил Игорь. — Она тратит состояние на тряпки, которые делают из нее чучело, и марает бумагу слюной. — Она хотела тебе понравиться, — Адриан потер большие колени. — Ей восемнадцать. Она некрасива по меркам двора. Она знает это. Она знает, что я выдам ее за старого лорда с гнилыми зубами, потому что у него есть флот. Стихи и платья — это ее броня, Игорь. Это ее способ сказать миру: «Я есть. Я красивая. Я значимая». А ты пришел и смял эту броню голыми руками. — Но зачем броня, если она из папье-маше? — Игорь повернулся к купцу. В его светлых глазах впервые за весь разговор мелькнуло что-то похожее на сомнение. — Она же понимает, что это ложь. Она знает, что платье уродливо. Почему она злится на меня за то, что я подтвердил то, что она и так знает в глубине души?

Адриан долго смотрел на кусты роз. — Потому что, когда ты подтверждаешь ее уродство, ты оставляешь ее с ним один на один, — тихо сказал купец. — А когда она лжет себе в зеркале, у нее есть компания. Весь город лжет ей. Мать лжет. Подруги лгут. Я лгу, когда говорю, что

она — моя прекрасная роза. Мы даем ей иллюзию, что если она наденет правильное платье, то проклятие ее полных щек спадет. А ты... ты пришел и сказал, что проклятие — это и есть она. И платье тут ни при чем.

— Но это же свобода! — почти выкрикнул Игорь. — Если ты знаешь, что ты толст, ты можешь перестать жрать пирожные и пойти плавать! Если ты знаешь, что пишешь дрянь, ты можешь учиться! Ложь держит их в клетках! — Правда без милосердия — это просто еще один вид оружия, — вздохнул Адриан. — И ты, мальчик, размахиваешь им, как дубиной в посудной лавке. Ты ломаешь чашки и удивляешься, почему хозяин недоволен. Ты говоришь правду, чтобы помочь. Но для них твоя правда звучит как: «Ты ничтожество, и я первый, кто набрался смелости тебе об этом сказать».

В тот вечер Игорь впервые напился. Не для веселья, не для компании. Он пил кислое вино в портовой таверне, пытаясь смыть с языка привкус гнилых яблок, который, как ему казалось, остался после разговора с Элирией.

Он сидел в углу, глядя на пьяных матросов, на портовых девок, на карточных шулеров. И он видел. Он видел, как матрос врет жене в письме, что скоро вернется, хотя его корабль продан за долги. Он видел, как девка обещает моряку вечную любовь за серебряную монету. Он видел, как шулер прячет карту в рукаве.

Весь мир вокруг него был одной огромной, липкой, зловонной ложью. И он, Игорь, был единственным островком тверди в этом болоте. Но чем выше он поднимал свой фонарь с правдой, тем больше теней он отбрасывал, и тем сильнее люди жмурились от этого света.

Он понял страшную вещь. Люди не хотели знать правду о себе. Они хотели знать, что кто-то другой — хуже. Им нужна была ложь не для того, чтобы обмануть других, а для того, чтобы выжить самим. Ложь была их воздухом, их водой, их единственным обезболивающим от осознания собственной смертности и несовершенства.

А он был тем, кто перекрывал им кислород.

В замке герцога Эрика воздух был другим. Здесь ложь была не воздухом для дыхания, а валютой.

Игорь стоял в кабинете казначея. Комната была завалена свитками, счетными досками с костяшками и сундуками. Казначей звали Бернارد. Это был маленький, суетливый человечек с огромной лысиной, которую он постоянно вытирал шелковым платком.

— Господин оценщик! — Бернارد всплеснул руками, едва Игорь переступил порог. — Какая честь! Желаете вина? У меня есть чудесный розовый мускат, прошлогодний урожай, прямо с южных склонов!

— У тебя язва, Бернارد, — сказал Игорь, оглядывая кабинет. — От вина тебе стоит отказаться. Как и от жареного мяса. Иначе к зиме ты не сможешь встать с горшка без крика.

Бернارد замер с кувшином в руке. Его улыбка примерзла к лицу. — Я... я здоров как бык, господин...

— Ты скрипишь зубами во сне, — Игорь подошел к столу и взял в руки первый попавшийся свиток. — От боли. Твой лекарь дает тебе толченный мел и говорит, что это поможет. Он врет. Мел забивает тебе кишки. Тебе нужен отвар коры дуба и полный покой. Но ты не можешь позволить себе покой, потому что герцог Эрик завтра спросит тебя, куда делись сто золотых из казны на ремонт южной стены.

Игорь положил свиток на место. Он не притрагивался к бумагам по-настоящему. Он просто смотрел на то, как Бернارد реагирует на пространство. — Деньги на стену не крали, — продолжил Игорь, поворачиваясь к казначею. — Камень оказался бракованным, его везли из старых каменоломен. Он крошится. Стена рухнула сама. Но ты боишься сказать об этом Эрику. Ты знаешь, что он убьет каменщиков, а тебя заставит платить за их семьи. Поэтому ты взял эти

сто золотых из своего личного резерва, который копил двадцать лет, и тайно закупил новый известняк в баронстве Корнуолл, надеясь, что Эрик не заметит подмены до зимы.

Бернард медленно опустился в кресло. Шелковый платок выпал из его рук на дорогой ковер. — Откуда... — прошептал он. — Кто вам сказал?

— Никто, — Игорь подошел к окну. — Твой личный резерв. Ты хранишь его не в сундуках. Ты слишком боишься воров. Ты купил этот ковер, — Игорь топнул ногой по толстому ворсу, — три года назад. Он из шерсти горных яков. Дорогой. Но если присмотреться, вот здесь, у ножки стола, ворс чуть примет иначе. Там лежит деревянный люк. Под ним — каменный пол. В камне выбита ниша. Она пуста. Ты забрал золото вчера. А пыль в нише лежит ровно. Значит, до этого там лежал кожаный кошелек. Тяжелый. Ты не мог его вытащить, не оставив следов. Но ты их тщательно замел. Буквально. Я вижу частицы веника на кромке ковра.

Игорь повернулся. Его светлые глаза смотрели на казначея без осуждения. — Ты не вор, Бернард. Ты дурак. Ты спасаешь никчемных каменщиков ценой своего состояния. Герцог Эрик — тиран, но он не идиот. Когда он увидит новый известняк, он поймет, что ты спасал стену. Он простит. Но если я сейчас выйду отсюда и скажу, что ты украл золото на шлюх, тебя посадят на кол.

— Вы... вы не скажете? — Бернард смотрел на него, как утопающий на доску.

— Скажу правду, — кивнул Игорь. — Что казначей Бернард — единственный честный человек в этом замке, который настолько любит своего герцога, что готов разориться ради его построек.

Бернард заплакал. Тихо, по-стариковски, тряся лысиной. Он плакал не от страха. От облегчения.

Игорь вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь.

В коридоре его ждал Ульф. Купец теперь старался держаться к Игорю поближе, как побитая собака к новому хозяину. — Ну что? — заискивающе спросил он. — Виселица отменяется?

— Для тебя — да, — бросил Игорь. — Для Бернарда — тоже. — А для меня? — пискнул Хныга, выглядывая из-за плеча купца. — А ты, карманник, — Игорь посмотрел на мелкого парня, — сегодня же вернешь серебряную ложку, которую украл у мажордома. Она в твоём левом сапоге. Он знает, что она пропала, и уже ищет повод сломать тебе пальцы. Не давай ему повода.

Хныга икнул, побелел и, пробормотав что-то невнятное, скрылся за поворотом.

Игорь шел по гулким коридорам замка, и тени от факелов плясали на его плаще. Он был эффективен. Его метод работал безотказно. Он вскрывал людей, как консервные банки, доставал их гниль, показывал им самим, и они либо благодарили его, либо пытались убить.

Но сейчас, поднимаясь на замковую стену, чтобы вдохнуть свежего воздуха, он думал не о казначее и не о купце. Он думал об Элирии.

Он дал Бернарду правду, и Бернард стал счастливее. Он дал Ульфу правду, и Ульф остался жив. Почему же с дочерью купца все пошло не так?

Ответ пришел вместе с ветром, ударившим в лицо.

Разница была в цене.

Для Бернарда правда стоила ста золотых. Это была высокая цена, но измеримая. Потерять деньги или потерять жизнь — выбор очевиден.

Для Элирии правда стоила ее личности. Игорь не просто сказал, что платье уродливо. Он сказал, что ее попытка быть красивой — жалка. Он сказал, что ее стихи — дрянь. Но для нее стихи и платье были не просто вещами. Это были ее единственные доказательства того, что она — не пустое место. Это были ее крылья. А он пришел и оторвал их, чтобы доказать, что она не умеет летать.

«Правда без милосердия — это просто еще один вид оружия».

Игорь сжал холодный камень зубца крепостной стены так, что побелели костяшки.

Он всегда считал милосердие формой лжи. Утешать умирающего — ложь. Говорить воину перед боем, что он вернется — ложь. Говорить девушке, что она красива, когда у нее лицо, как печеное яблоко — ложь.

Но что, если милосердие — это не ложь? Что, если это просто... другая правда?

Правда о том, что человеку больно.

Он вспомнил ее лицо. Вспомнил, как она дернула шнуровку корсета. Она не спорила с ним о цвете шелка. Она пыталась выжить. Его слова перекрыли ей не кислород тщеславия, они перекрыли ей кислород надежды.

Игорь закрыл глаза. Впервые за долгие годы странствий он почувствовал не холодную ясность оценщика, а тяжелый, липкий стыд. Стыд за то, что он был прав.

В замке пробил колокол, возвещающая вечернюю стражу. Звук был чистым, медным, и он долго плыл над черепичными крышами.

Игорь открыл глаза. Солнце садилось, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. Герцог Эрик дал ему срок до заката. Срок истекал.

Он оторвался от стены и пошел в сторону казарм. Ему предстояло найти капитана стражи. Капитан был глуп, жесток и, по слухам, брал взятки у людей барона Валентайна.

Игорь знал, что скажет ему правду. И на этот раз он постарается не сломать человеку позвоночник своим голосом. Хотя бы потому, что мертвый шпион не сможет рассказать, где прячутся настоящие убийцы.

Проклятие прямоты все еще было при нем. Но, кажется, сегодня он впервые осознал, что его клинок можно не только выхватывать для рубки, но и использовать для того, чтобы перерезать пути. Если делать это очень, очень осторожно.

Глава 3. Трактир «Пьяный Вепрь»

Замок герцога Эрика высасывал жизнь, как болотная пиявка. Каменные стены, даже если их мыли дважды в год перед приездом короля, пахли вековой сыростью, мочой крыс и страхом. Люди здесь передвигались бесшумно, говорили шепотом, а их улыбки напоминали оскалы черепов. Игорь провел три дня, вскрывая гнойники лжи в этом серпентарии. Он доказал, что капитан стражи берет золото у барона Валентайна, но не за предательство, а за то, чтобы закрывать глаза на его контрабанду шерстью, которая на самом деле была шерстью горных троллей — товаром запрещенным, но невероятно прибыльным. Он подтвердил, что главный конюший действительно спит с дочерью герцога, но выяснил, что девушка делает это не из распутства, а чтобы старый конюх не донес Эрику о тайном ходе из конюшни, через который фаворитка герцога выводит своих любовников.

Игорь собрал мозаику из чужих тайн, и герцог остался доволен. Он не казнил никого, что само по себе было чудом для Ардона и окрестностей. Он просто переставил фигуры на доске. Капитана стражи отправили охранять медные рудники на севере — почетная ссылка, которая на деле была отсроченным смертным приговором. Конюшего женили на дочери пекаря, предварительно отсыпав тому золота за молчание. Баланс был восстановлен.

Игорь получил свой кошель с серебром. И свободу.

Эрик не стал задерживать «оценщика». Такие люди, как Игорь, полезны в малых дозах, как сильное слабительное. Передозировка грозит кровавым поносом и бунтом.

Игорь спустился с замкового холма и направился туда, где камень уступал место дереву, а благовония — запаху жареного лука. Трактир «Пьяный Вепрь» стоял на развилке дорог, ровно в миле от герцогских ворот. Это было идеальное место: достаточно близко, чтобы стража могла прийти сюда «случайно» проверить документы, и достаточно далеко, чтобы герцог не слышал криков, когда стража эти документы «забывала».

Внутри пахло так, как и должно пахнуть в месте, где люди сбрасывают маски. Кислым пивом, подгоревшим жиром, мокрой псиной и дешевым потом. Низкие, закопченные балки потолка нависали над головами, заставляя высоких людей пригибаться. В огромном очаге на вертеле жарилась половина свиной туши, истекая жиром в подставленный медный таз. Свет давали только факелы, чадающие смолой, и пламя очага, превращавшее лица посетителей в маски демонов.

Шум стоял такой, что закладывало уши. Два ландскнехта в помятых кирасах орали похабную песню, стуча кружками по столу в такт. В углу компания угрюмых лесорубов резалась в кости, и каждый бросок сопровождался глухим стуком дерева о дерево и взрывами мата. У стойки, натирая глиняные кружки грязной тряпкой, стоял хозяин — одноглазый детина по кличке Рыжий Гарт. Вместо отсутствующего глаза у него была вставлена отполированная до блеска золотая монета, что придавало его лицу выражение вечного, циничного удивления.

Игорь занял место в самом темном углу, за массивным опорным столбом. Отсюда просматривался весь зал, а со спины никто не мог подойти незамеченным. Это была не паранойя, а просто физика выживания.

Перед ним поставили кружку. Эль здесь был густым, темным, с тяжелой пеной. Он не освежал, но давал сытость и тепло. Игорь сделал глоток. Вкус был сносным — чувствовался хмель, а не только моча, которой в Ардоне часто разбавляли пойло.

Он сидел, прислонившись затылком к прохладному камню, и позволял шуму толпы проходить сквозь него. После стерильной, звенящей тишины замковых коридоров этот хаос был подобен целебной грязи. Здесь никто не притворялся святым. Лесоруб хотел выпить, солдат хотел женщину, вор хотел чужого кошелька. Все было просто, честно и предсказуемо.

Игорь прикрыл глаза. Его светлые, ледяные радужки почти исчезли на фоне покрасневших от дыма век. Он слушал. — ...говорю тебе, она рыжая! — бубнил чей-то голос справа. — Огненная! Такая, что если плюнуть, зашипит... — Врешь, — отвечал второй, более трезвый. — Рыжая у Кривого в «Свинье». А эта — черная. Как деготь. И глазищи — во! С блюдец. Ведьма, не иначе.

Игорь мысленно усмехнулся. Речь шла о подавальщице Марте. Она была крашеной блондинкой с гнилыми зубами и плоскостопием. Но пьяным морякам, чьи глаза залиты ромом, она казалась то русалкой, то суккубом. Ложь во спасение собственного возбуждения. Безобидно.

Дверь таверны с грохотом распахнулась, ударившись о стену. На мгновение шум внутри чуть стих — инстинкт самосохранения заставил даже самых пьяных проверить, не городская ли это стража вломила с облавой.

Но это была не стража.

На пороге стояла девушка.

В «Пьяного Вепря» женщины заходили редко, а если заходили, то выглядели либо как портовые шлюхи, ищущие клиента, либо как изможденные жены ремесленников, пришедшие за мужем, чтобы тащить его домой за волосы. Эта не была ни той, ни другой.

Она была одета в дорожный костюм из дорогой, но практичной кожи, сшитый по последней столичной моде — приталенный жакет, кожаные штаны, заправленные в мягкие сапоги телячьей кожи. На ее поясе висел не нож, а изящная кожаная сумка с серебряными пряжками. Ее волосы — цвета старого меда, густые и волнистые — были собраны в небрежный, но сложный узел на затылке, из которого выбилось несколько прядей. Лицо... Игорь, даже с расстояния в двадцать шагов, видел его четко. Оно не было красивым в классическом, фарфоровом понимании. Слишком широко расставленные глаза, нос с едва заметной горбинкой, упрямый подбородок. Но оно было живым. Оно излучало энергию, которая казалась почти осязаемой, как жар от печи.

Она обвела зал взглядом. Не испуганным, не ищущим защиты. Взглядом хозяйки, оценивающей свои владения. Она увидела ландскнехтов, лесорубов, шлюх, воров. И увидела Игоря.

Их взгляды встретились.

Игорь не отвел глаз. Он не моргнул. Он просто смотрел на нее своим прозрачным, оценивающим взглядом, которым смотрел на гнилые яблоки и казначея Бернарда.

Девушка приподняла одну бровь. Уголок ее губ дернулся в усмешке. Она что-то сказала человеку, державшему дверь — крепкому парню с арбалетом за спиной, — кивнула ему, чтобы оставался снаружи, и шагнула внутрь.

Она двигалась сквозь толпу не так, как двигаются женщины. Она не извинялась, не пыталась протиснуться бочком. Она шла уверенно, и люди расступались перед ней сами, словно вода перед носом корабля. Она пахла не дешевыми духами, а дорогой кожей, дорожной пылью и чем-то неуловимо свежим, как озон после грозы.

Игорь напрягся. Его рука под столом легла на рукоять кинжала, спрятанного в голенище сапога.

Девушка подошла к его столбу. Она не села. Она просто стояла, уперев руку в бок, и смотрела на него сверху вниз.

— Занято? — спросила она.

Ее голос был низким, с легкой хрипотцой. Голос человека, который много говорит на ветру и много смеется.

Игорь указал на лавку напротив. Свободных мест в таверне было полно. В любом другом углу она могла бы пить эль в относительной безопасности своего статуса. Здесь, в его углу, она была на его территории.

— Свободно, — ответил он.

Она села. Лавка под ее весом даже не скрипнула — она села легко, как кошка.

Хозяин Гарт, заметив новую гостью, мгновенно оказался рядом. Его единственный глаз и одна золотая монета смотрели на нее с профессиональным интересом. — Чего изволит госпожа? У нас есть эль, есть темное, есть вино из прошлогодних подвалов барона... — У вас есть кипяток? — перебила она. — И мята. Свежая, если найдется. Если нет — сушеная. И мед.

Гарт моргнул. В «Пьяном Вепре» мята считалась сорняком. — Кипяток найдется, — осторожно ответил трактирщик. — Мята... поищем. — Ищи лучше, — улыбнулась она. — Я плачу серебром.

Гарт сглотнул и, покосившись на спокойное лицо Игоря, кивнул. Серебро решало многие вопросы мироздания.

Девушка повернулась к Игорю. Теперь, когда она сидела прямо напротив, в скудном свете факелов, он мог рассмотреть ее глаза. Они были не карими, как показалось сначала. Они были янтарными, с темными крапинками у самого зрачка. В них плясали чертики.

— Ты не местный, — сказала она. Это не было вопросом. — Я нигде не местный, — ответил Игорь. — Это заметно. — Она окинула взглядом его одежду. — Ты носишь кожу, как вторую кожу. Она не натирает. А твоя куртка... — она прищурилась, — прошита изнутри. Стальные пластины? Не рыцарские, плоские. Для скрытого ношения. Ты наемник? — Я оценщик, — Игорь сделал глоток эля. — Это что, гильдия такая? — она усмехнулась. — Гильдия оценщиков чужого белья?

Игорь посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом. Большинство людей на этом месте либо начинали злиться, либо пугались. Девушка лишь удобнее устроилась на лавке, приготовившись слушать.

— Я говорю людям правду об их товарах, — ровно произнес он. — И об их намерениях. — О, — ее янтарные глаза блеснули. — Так ты из этих. Проповедник. Или дурак. — Обычно и то, и другое, — Игорь позволил себе тень улыбки.

Гарт принес ее заказ. На столе появилась глиняная кружка с кипятком, от которого шел густой пар, деревянная плошка с темным медом и тряпичный узелок с сушеной мятой.

Девушка сноровисто бросила листья в воду. По таверне поплыл свежий, резкий аромат, который на мгновение перебил вонь кислого пива и пота. Она добавила ложку меда, размешала все костяной ложечкой, извлеченной из сумки, и с видимым наслаждением сделала глоток.

— Благодать, — выдохнула она. — После трех дней в седле «Пьяный Вепрь» кажется дворцом, если знать, что просить. — Куда путь держишь? — спросил Игорь. — Куда глаза глядят, — она пожала плечами. — Меня зовут Анастасия. Для друзей — Стася.

Она протянула ему руку через стол. Это был жест столичной дамы — уверенный, открытый, лишенный жеманства.

Игорь посмотрел на ее руку. Пальцы были длинными, но мозолистыми. Она не просто ездила в седле, она управляла им. Возможно, владела клинком.

Он не пожал ее руку. Он просто кивнул. — Игорь.

— Игорь, — повторила она, словно пробуя имя на вкус. — Слишком сурово для такого лица. У тебя лицо философа, которого выгнали из академии за то, что он переспал с женой декана. В глазах — холод, а вот складка у рта... — она ткнула в его лицо пальцем, едва не коснувшись кожи, — у тебя складка усмешки. Ты умеешь веселиться, просто забыл, как это делается.

Игорь отстранился. Нарушение личного пространства было для него сродни физическому удару. — Ты всегда так... сканируешь людей? — спросил он. — Только тех, кто сидит в темноте в углу самого грязного кабака в округе, — она сделала еще глоток. — Это мое хобби. Находить алмазы в навозе. Или, что чаще, просто навоз.

Она достала из сумки яблоко. Идеальное, красное, блестящее. — Хочешь? — предложила она. — Купила в Ардоне. Сказали, «Королевский румянец».

Игорь замер. Его рука, держащая кружку, дрогнула. Вода плеснула через край. Он вспомнил. Ардон. Площадь Каменных Масок. Торговец Бенно Сладкоголосый. Гниль под воском.

— Не хочу, — его голос стал на тон ниже. — Выброси.

Анастасия удивленно посмотрела на яблоко, потом на него. — Почему? Оно красивое. — Оно лжет, — Игорь смотрел на яблоко так, словно оно могло взорваться. — Снаружи — воск и румянец. Внутри — уксус и гниль.

Анастасия хмыкнула. Она поднесла яблоко к носу, понюхала. — Пахнет яблоком. — Ты не умеешь нюхать, — отрезал Игорь. — Дай сюда.

Он взял яблоко. Повертел в пальцах. Поднес к самому ее лицу. — Смотри на черенок. Видишь крошечную точку? Коричневую. Это след от иглы. Им впрыснули настойку гвоздики, чтобы убить запах брожения. А теперь посмотри на кожуру под ногтем. Видишь, как она легко отслаивается? Ее натерли бараньим жиром, чтобы создать иллюзию свежести.

Он сжал яблоко. Раздался тот же сухой, мерзкий хруст, что и на площади. Из-под пальцев потекла мутная жижа. — Оно бродит, — сказал он, разжимая кулак и роняя кашу на грязный пол. — Ты бы выпила кипяток с мятой, а к утру молилась бы над ночным горшком.

В таверне на мгновение стало тише. Ландскнехты покосились на них, но, увидев, что драки нет, вернулись к своей песне.

Анастасия смотрела на гниль на полу, потом на бесстрастное лицо Игоря. И вдруг она рассмеялась. Громко, заливисто, откидывая голову назад. Ее смех был настолько неуместен в этой грязной таверне и после такой демонстрации, что несколько человек обернулось.

— Демоны преисподней! — выдохнула она, вытирая выступившие от смеха слезы. — Ты действительно сумасшедший! Ты испортил мое яблоко просто чтобы доказать, что оно... какое? Не достаточно честное?

— Оно опасное, — поправил Игорь. — Оно было восхитительным, пока ты его не убил! — она все еще смеялась, но в ее янтарных глазах появилось что-то новое. Уважение, смешанное с азартом. — Я хотела предложить тебе за него серебряную монету, просто чтобы посмотреть, как ты будешь есть его, сохраняя эту похоронную мину.

Она допила свой кипяток. — Знаешь, Игорь-оценщик, — она наклонилась над столом, понижая голос. От нее пахло мятой и дорогой дорожной пылью. — Я проехала полмира. Я видела, как жрецы продают фальшивые мощи, как генералы проигрывают битвы из-за трусости, как матери продают дочерей за мешок муки. Все лгут. Это правила игры. Если ты будешь убивать каждую ложь, которая встречается тебе на пути, ты кончишь свои дни в комнате с мягкими стенами, обнимая колени и шепча теоремы.

— Я не убиваю ложь, — сказал Игорь. — Я просто отказываюсь в ней участвовать. — Это одно и то же, — она откинулась назад. — Слушай. Я поспорила со своим охранником. Он там, у дверей, мерзнет. Я сказала, что смогу просидеть с тобой полчаса, и ты не попытаешься меня ни обратить в свою веру, ни затащить в постель. Выигрыш — пять золотых.

— Я не хочу в твою постель, — искренне ответил Игорь. — В ней наверняка слишком много подушек и слишком мало места для меча.

Она снова фыркнула. — А ты язва. Мне это нравится. — Она порылась в сумке и бросила на стол пять золотых монет. Они звякнули о дерево. — Вот. Я выиграла.

Игорь посмотрел на монеты. На них был профиль герцога Эрика. — Я не беру денег за разговоры, — сказал он. — Это не плата, — она подвинула монеты к нему. — Это компенсация за яблоко. И аванс. — Аванс за что? — За то, что ты пойдешь со мной, — она улыбнулась, и эта улыбка была открытой, обезоруживающей и абсолютно хищной. — Мне нужен оценщик.

Они вышли из «Пьяного Вепря» через черный ход, который Анастасия знала так, будто жила здесь. Ее охранник, тот самый парень с арбалетом, действительно ждал за углом. Он был огромен, молчалив и смотрел на Игоря, как бык на красную тряпку. — Это Торн, — бросила

Анастасия. — Он глухой, когда я ему велю, и очень исполнительный. — Он знает, что ты вошла в таверну, полную головорезов, одна? — спросил Игорь. — Он знает, что если со мной что-то случится, я вернусь с того света и оторву ему уши, — она поправила воротник своего жакета. — Так что он молится за мое здоровье трижды в день.

Они шли по узким улочкам пригорода. Ночь была холодной, и дыхание вырывалось из рта белыми облачками. Анастасия шагала быстро, ее сапоги звонко цокали по брусчатке. — Куда мы идем? — спросил Игорь. — В «Золотую Лиру», — ответила она. — Самый дорогой бордель в этом герцогстве.

Игорь споткнулся. — Ты нанимаешь меня в борделе? — Я нанимаю тебя для дела, которое обсуждается в борделе, — она закатила глаза. — Господи, у тебя что, не было женщины? В «Лире» лучшие комнаты для переговоров. Звукоизоляция, отсутствие лишних ушей и отличная кухня. Герцог Эрик сам проводит там половину совета. Нравственность — это очень дорого, Игорь. Проще снять весь второй этаж.

«Золотая Лира» встретила их теплом, запахом сандала и тихой музыкой лютни. Это было место, где свечи горели ровно, без копоти, а вино подавали в хрустале. Контраст с «Пьяным Вепрем» был оглушительным.

Их встретил управляющий — холеный мужчина с залысинами и руками без единого кольца. — Госпожа Анастасия, — поклонился он. — Ваша обычная комната? И... сопровождение? — Это Игорь, — представила она. — Он со мной. Если кто-то спросит, он — мой новый... бухгалтер. Очень строгий. Любит проверять счета на зуб.

Управляющий вежливо улыбнулся, оценив шутку, и проводил их наверх.

Комната была роскошной. Толстые ковры на полу, огромная кровать под балдахином, в котором, впрочем, не было нужды — сейчас им нужна была только мебель. В углу горел камин, настоящий, с дымоходом, а не просто яма в полу.

Анастасия сбросила свой дорожный плащ на кресло. Под жакетом на ней оказалась простая льняная рубаша. Никакого корсета. Она села за письменный стол из красного дерева, закинула ногу на ногу и достала из сумки кожаную трубку и кисет. — Будешь? — предложила она. — Хороший табак. С южных островов. — Не курю, — Игорь остался стоять у двери. Он не расслаблялся. Дорогие ковры не гарантировали безопасности.

— Как хочешь, — она ловко набила трубку, высекла огонь кресалом и затянулась. По комнате поплыл сладкий, густой дым. — Итак. Ты ищешь правду. — Я оцениваю риски. — Хорошо. Оцени это.

Она достала из сумки предмет, завернутый в черный бархат. Положила его на стол и развернула ткань.

Это была брошь. Или, точнее, фибула. Большая, размером с ладонь, из белого металла, похожего на серебро, но слишком тяжелого для него. В центре камня, глубокого, как ночное небо, пульсировал холодный фиолетовый свет. Свет не отражал огонь камина, он жил своей жизнью.

Игорь почувствовал, как волоски на его руках встают дыбом. Воздух в комнате стал плотным, наэлектризованным. Пахнуло озоном — тем самым запахом, который он уловил в Элирии и над гнилыми яблоками, но здесь он был в десятки раз сильнее. Чистота. Стерильность. Запах перед ударом молнии.

— Что это? — спросил он. — Это то, из-за чего меня пытались убить три раза за последнюю неделю, — спокойно сказала Анастасия, выпуская кольцо дыма. — Это то, почему я сижу сейчас здесь, а не кормлю рыб на дне реки. И это то, что я хочу тебе продать.

— Я не покупаю краденое, — Игорь прищурился. Его глаза, привыкшие к полумраку, видели каждую грань камня. Внутри него, если присмотреться, двигались крошечные вихри, похожие на туманности. — Это не краденое, — она покачала головой. — Это... наследство. От

отца, которого я никогда не видела. Он оставил мне только это и долг в пять тысяч золотых. Долг я выплатила. А это... я хочу от него избавиться.

— Почему? — Игорь сделал шаг к столу. Его «проклятие прямо́ты» сработало мгновенно. Магия или что бы это ни было, требовала оценки. — Такая вещь стоит целое состояние. Ты могла бы купить себе герцогство. — Потому что оно убивает, — она ткнула мундштуком трубки в сторону фибулы. — Не напрямую. Оно... притягивает правду.

Игорь замер. — Что? — Оно сводит людей с ума, — Анастасия смотрела на камень, и в ее янтарных глазах впервые за весь вечер мелькнул страх. — Настоящих, патентованных лжецов. Казначей, который украл медяк, просто начинает чесаться. А вот человек, на совести которого кровь... Он не может находиться с этим камнем в одной комнате. Его начинает рвать. Или он впадает в такую ярость, что пытается разбить себе голову о стену. Я проверила. На одном торговце рабами. Зрелище было не из приятных.

— Ты носишь это на себе, — голос Игоря стал глухим. — Я вру только по необходимости, — она усмехнулась, но улыбка вышла кривой. — Я говорю людям комплименты, которые они хотят слышать. Я улыбаюсь тем, кого презираю. Это... социальный жир. Он не считается. Камень реагирует на фундамент. На то, что человек думает о себе, когда остается один в темноте. Я... я неплохо себя чувствую в темноте. А вот остальные... — она затаилась. — Я собрала вокруг себя целый караван. Охранники, слуги, купцы. К третьему дню пути трое попытались меня зарезать во сне. Просто потому, что рядом со мной они не могли спать. Их совесть жгла их, как раскаленное железо. Камень... он как солнце для крыс. Выгоняет их из нор.

Игорь медленно подошел к столу. Он протянул руку, но не коснулся металла. Он держал ладонь в дюйме от фибулы.

Поток был ошеломляющим.

Это не было магией в привычном понимании — огненными шарами или молниями. Это была абсолютная, концентрированная, дистиллированная правда. Она вливалась в его разум, смывая все защитные барьеры.

Он увидел себя. Увидел Элирию. Он снова стоял в том саду, и слова «твое платье уродует тебя» звучали в его ушах не как совет, а как удар хлыста. Он увидел ее лицо — не обиженное, а разрушенное. Он увидел, как рушится ее мир, и понял, что она плакала не из-за платья. Она плакала, потому что он пришел и сказал ей: «Тебя нет. Есть только твоя попытка казаться». Он увидел свою правоту и увидел свою жестокость одновременно. Они были сиамскими близнецами.

Он увидел Ардон. Площадь Каменных Масок. Свое ледяное спокойствие, когда он давил яблоко. Он увидел ужас в глазах Бенно, но увидел и уважение. Он понял, что для Бенно этот ужас был освобождением. Торговец годами жил в страхе, что его разоблачат, а Игорь пришел и просто констатировал факт, взяв вину на себя.

Он увидел Герцога Эрика. Камень показал ему не тирана. Он показал глубоко одинокого, искалеченного человека, который построил стены из стали и жестокости только потому, что в детстве его укусила собака, и он решил, что весь мир — это клыки.

Камень показывал не грехи. Он показывал причины.

Игорь отдернул руку, словно обжегся. Он тяжело дышал, опираясь о край стола. Кружка с элем, выпитая в «Вепре», подступила к горлу.

— Ты... — прохрипел он. — Ты ходячая исповедь. — Я — прокаженная, — поправила Анастасия. — Никто не может быть рядом со мной долго. Кроме тебя.

Игорь поднял на нее глаза. — Что ты хочешь от меня? — Я хочу, чтобы ты это забрал, — она подвинула фибулу к нему. — Ты... ты сделан из того же теста, Игорь. Я видела, как ты смотрел на меня в таверне. Ты не лжешь. Ты просто... не включаешь эмпатию. Ты оцениваешь. Для тебя правда — это просто данные. Цифры в гроссбухе. Камень не сожжет тебя, потому

что тебе нечего жечь. У тебя нет скрытых кровавых тайн. Твоя единственная тайна — это то, что ты боишься быть один. Но это не тайна, это просто факт. Ты — идеальный сейф.

— Я не ювелир и не маг, — Игорь покачал головой. — Я не знаю, как это носить. — Тебе не нужно его носить, — она достала из сумки тяжелый кожаный кошель и тоже положила на стол. — Тебе нужно его охранять. Я направляюсь в Академию Наук в Нордхейме. Говорят, там есть люди, которые понимают в таких вещах. Я хочу отдать им это. Но я не доеду. Меня убьют. Люди, которые стоят за этим... — она кивнула на камень, — они не хотят, чтобы он попал к ученым. Они хотят, чтобы он лежал в темноте.

— Кто они? — Церковь Искушения, — ее голос стал тише. — Они называют это «Оком Истины». Говорят, что когда-то оно принадлежало святому, который выжигал ложь в мире. А потом он сошел с ума, потому что увидел, что в мире нет ничего, кроме лжи. Церковь хочет его уничтожить. А другие... другие хотят использовать его как детектор лжи для королей. Представь, Игорь. Совет, где каждый советник носит такой камень на шее. Никакой дипломатии. Никакой политики. Только голые, гнилые, смердящие правды. Мир утонет в крови в первый же день.

Игорь смотрел на фибулу. На камень, в котором танцевали фиолетовые вихри. Это был абсолютный инструмент. Конец любой дипломатии. Конец любой войны, начатой из-за чести, потому что честь — это самая большая ложь. Конец любой власти, потому что власть держится на тайнах.

— Ты понимаешь, что несешь? — спросил он. — Если это попадет не в те руки... — Поэтому оно должно быть в твоих, — перебила она. — Ты не возьмешь его ради власти. Ты возьмешь его, потому что оно... правильное. Оно — истина. А ты, как я вижу, давно и безнадежно влюблен в истину, даже если она тебя убивает.

Она встала. Подошла к Игорю. Она была почти одного с ним роста. Она пахла мятой, табаком и дорогой. — Я предлагаю тебе работу, — сказала она, глядя ему в глаза. — Не на меня. На правду. Ты будешь носить ее скальпель.

Игорь посмотрел на стол. На пять золотых монет. На кожаный кошель, полный серебра. И на камень.

Он вспомнил слова старого Адриана: «Правда без милосердия — это просто еще один вид оружия». Этот камень был не оружием. Он был хирургическим ножом. Бесконечно острым и абсолютно безжалостным.

Игорь протянул руку. На этот раз он не просто занес ладонь. Он взял фибулу.

Металл был холодным. Но внутри него бился пульс, который совпадал с пульсом Игоря. Абсолютная честность, заключенная в форму.

Он сжал пальцы. Фиолетовый свет на мгновение вспыхнул ярче, осветив его лицо, и погас, спрятавшись внутри камня, признавая нового хозяина.

— Хорошо, — сказал Игорь. — Я довезу это до Нордхейма.

Анастасия улыбнулась. Это была первая настоящая, теплая улыбка, которую он видел на ее лице за весь вечер. — Я знала, что ты согласишься. В тебе слишком много этого... — она щелкнула пальцами, подбирая слово. — Слишком много идеализма для такого циничного лица.

Она забрала со стола пять золотых и кожаный кошель, оставив их только у Игоря. — Это на расходы, — пояснила она. — И на взятки. В Нордхейме без взяток даже в уборную не пустят. Торн!

Огромный охранник вошел в комнату, как туча. — Мы меняем маршрут, — сказала Анастасия. — Едем быстро.

Она посмотрела на Игоря. — Совет первый, оценщик. В «Лире» отличная баранина. Если ты не поешь сейчас, мы уедем, и следующий раз ты будешь жевать сухари. А на голодный желудок правда кажется особенно горькой.

Игорь посмотрел на камень в своей руке. Он чувствовал его вес. Вес всего мира, лишённого иллюзий. Он убрал фибулу во внутренний карман своей куртки, туда, где сердце. Металл холодил кожу сквозь рубаху.

— Я поем, — сказал он. — Но платить буду я.

Анастасия рассмеялась, и они вышли из комнаты, оставив после себя запах сандала, табака и абсолютной, невыносимой честности.

Впереди была дорога на Нордхейм. И Игорь знал, что это будет самая опасная дорога в его жизни. Не потому, что на них будут нападать убийцы. А потому, что теперь ему придется защищать не только свою жизнь, но и саму возможность людей лгать друг другу во спасение. Он стал хранителем ящика Пандоры, и ключ от него теперь висел у него на шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.